

Лев АННИНСКИЙ

Диаспора — драма еврейства

«— Я не думаю, что нас там бардзо любят, но...
все-таки...».

Аб Мише. Черновой вариант

Книга, из которой я беру эпитафию и которая подвигла меня на эти размышления,— огромное, фундаментальное исследование еврейского вопроса, затрагивающее все области гуманитарного знания и все этапы тысячелетней диаспоры. В полном соответствии с нынешней культурной ситуацией и интеллектуальной модой Аб Мише строит свою книгу по «логике центона»: он комбинирует и сталкивает высказывания на еврейскую тему великих евреев и великих антисемитов, светлых умов человечества и его простецких представителей, включая и того польского еврея, который передал привет русским советским людям, хотя и прибавил, что те евреев «не бар дао любят».

От «цитаты» к «цитате» копится понимание проблемы, нащупываются пути решения, осознаются границы того, что сейчас неразрешимо. Мощно написанный очерк восстания в варшавском гетто столбом огня вырывается из-под «цитатного одеяла»; этот очерк печатался как самостоятельное произведение в зарубежной прессе. Главы, фрагменты из книги Аба Мише появляются сейчас и в прессе советской. Надо надеяться, что когда эта книга выйдет у нас полностью, она позволит кое-что додумать касательно темы, которая продолжает сидеть занозой в сознании современных людей. А пока я предложил «ОНС» две главы из рукописи Аба Мише, которые, на мой взгляд, по своему содержанию входят в круг интересов постоянных читателей журнала.

* * *

Если бы евреев не было, их надо было бы выдумать. Их роль могли бы сыграть цыгане... армяне спюрка... негры...

«...Соседи, сослуживцы»,—иронически продолжает подобный ряд Аб Мише. Ремарк когда-то продолжил иначе: «епрей.. и велосипедисты». Сегодня в одном ряду с евреями фигурируют масоны, либералы, космополиты, интернационалисты, христиане, интеллигенты и т. д.— у кого что болит; причем эти ряды составляются без всякой иронии. «Еврейский

Аннинский Л. А. - литературный критик. Автор многочисленных работ по советской литературе, кинематографу, театру.

вопрос», как и при всяком очередном повороте истории, оказывается как бы символической осью поворота. Или точкой опоры, в зависимости как раз от того, что и как у кого болит.

Этническое происхождение, состав крови и прочие природные изъязны тут не при чем. Споры о том, кто такие хазары или в каком генетическом отношении к древним иудеям находятся люди диаспоры, не добавляют к еврейской теме ровным счетом ничего и ничего не убавляют от нее, разве что варьируются эмоции, но эмоции и так варьируются при каждом повороте.

Однако евреи рождаются от евреев? — скажете вы. — Это чего-нибудь да значит.

Конечно, значит. Если бы я был привычен к религиозной системе доказательств, я сказал бы, что Бог испытывает наш разум, привязывая еврейство к некоей генетической базе, к некоему «древу», корни которого уходят в недра пустыни и теряются в древности. Он лишь добавляет нам еще один соблазн: соблазн «крови». Но даже если возможно проследить «сосуды», «каналы», «капилляры» в стволе и в «древе», — остается вопрос: что за соки движутся, какова кровь, текущая в этих сосудах? Разве это не кровь человечества? На улицах Иерусалима я видел людей, по внешности неотличимых от китайца, от эфиопа, — и все это были «евреи». Не говорю уже о всей гамме европейских типов, оказавшихся в этой нише. Лазейка есть: евреи рождаются не от евреев — они рождаются от *евреек*; сколько какой крови втекло в материнские жилы от отцовских чресел — кто измерил? Какая вообще может быть евгеника в перемешавшемся человечестве?

Дело не в крови — дело в судьбе. Когда Аврам и люди его клана откочевали из Ура халдейского и расчищали себе место в стране обетованной, — евреи они были или не евреи? Скорее, они были — «переселенцы», а лучше сказать: разбойники, не хуже тех, *от кого* они очищали себе страну обетованную. Когда Аврам стал Авраамом и возлюбил единого Бога больше, чем родного сына, — и это еще не было драмой еврейства, но лишь зачином драмы, которой суждено было развернуться среди человеческой истории в трех действиях: иудаизм — христианство — ислам. Диаспора — вот драма еврейства. Корни, вырванные из почвы и повисшие в воздухе. Самоощущение верности, не опирающейся «ни на что» — только на самоощущение верности же. Тонкая нить «материнского тела» едва страхует этот смертельный номер, а смысл его хорошо выразил Бен-Гурион, сказавший: «еврей — это тот, кто называет себя евреем». Драма еврейства — это драма отверженности, это драма изгойства. Быть евреем — значит добровольно пребывать в зоне, покрытой тенью «антисемитизма».

Поэтому двенадцатикратно (по числу глав в книге) прав Аб Мише, начиная свой еврейский эпос от обратного: от тени. Тень еврейства — антисемитизм. Три обоснования: идеологическое, историческое, правовое. Затем — техника исполнения. Затем — восемь сфер применения: от медицины до наробраза и от досуга до «кадровой политики». Некоторая логическая чересполосица этих «антисемитий» и «фобий» передает бессмыслицу, вернее, неопределимость, размытость, запутанность самого феномена. Нет ничего более пестрого, противоречивого и «несводимого», чем антисемитизм. При всей простоте (эмоциональной) его невозможно свести к какой-либо ясной модели и к единой логике. Реальная реакция реальных людей на реальное зло, которое они претерпели от евреев (ну, скажем, среди граждан Третьего Рейха — зависть немецких лавочников к еврейским, спокон веку жившим с ними на «той же улице»), совмещается в мифологии антисемитизма с суеверным страхом людей, никогда и близко не видевших ни одного еврея, — и однако укладывающих в этот образ все неясное, чужое, неродное, непредсказуемое, «нечистое».

Можно ли проанализировать этот феномен?

Можно. Можно пройти «до конца» (до истока) по любой из нитей сплетающихся в этот клубок, объяснив тот или иной *случай* антисемитизма. Но клубок на то и клубок, чтобы в его нитях запутываться. Тысячи новых нитей будут выпадать из перенасыщенного раствора. Зеленеет болото буйно, а дна все равно нет. Модель окаянства маячит перед взорами людей: в модель нужно кого-то вставить. Еврей привычен в этой мировой роли. Но его как актера можно и заменить.

Можно? В умпостигаемой модели — да. Но как «заменишь» слезы, за тысячелетия пролитые *этими*, а не *теми* людьми? Как «заменишь» пражское еврейское кладбище, горбом, холмом, грудой гробов выпершее из земли, потому что *земли не было*? Как забудешь испанский эдикт 1492 г.: скорбное отплытие изгнанников из тех же гаваней и по тем же волнам, по которым тогда же отправился Колумб искать Индию? Искал Индию — нашел Америку: пятьсот лет мир празднует эту ошибку, а помнит ли — судьбу двухсот тысяч изгнанников? А могильные надписи на стенах маленького германского Регенсбурга — кладбищенские плиты с еврейского кладбища пошли после погрома на «строительство домов»; погром был почти пятьсот лет назад — надписи видны сейчас. А миллионный счет еврейской катастрофы в XX в. — по историческому счету *только что* — это как забудешь и как, чем «подменишь в модели»?

Людам, имеющим вкус к построению антиномических пар в духе кантоне них, можно предложить для последующей рефлексии два взаимоисключающих суждения, каждое из которых верно:

- а) дело вовсе не в том, что они евреи;
- б) дело именно в том, что они евреи.

Между абстрактно верной гуманистической идеей и практикой истории, которая наполнила идею страданиями и которую *не вернешь и не «переиграешь»*, — между двумя этими непреложностями — такое внутреннее напряжение, что в этом поле плавают и «текут» новыми смыслами сто раз читанные тексты.

Аб Мише на этом и строит свою книгу. Он «знает» итог, смысл, урок: дело не в национальности, дело в личности, на которую пало (или не пало) клеймо. Но это знание пропущено через боль людей, которым было не до «личности»: их сбили в стада, их заклемили, поволокли на бойню. Кто сбил, кто обрек и заклемил? Такие же стада, классы, армии, команды, банды, «теоретические школы». Клеймены все. «Век Освенцима». Век гетто. Век бунтов и усмирений. Евреи — модель. Но эта модель вылеплена из шести миллионов трупов. Ни одно свидетельство не отдает архивом — лее пахнут кровью.

Хотя извлечены — из архивной памяти: из книг. Жанр, в котором работает Аб Мише, может показаться причудливым: монтаж цитат, иногда прослоенных... даже не комментарием, но как бы дневником автора. Это авторские записи не толкуют чужих свидетельств, но вторят им. Или: идут контрапунктом. Книга, построенная на выдержках из других книг, — не «научна», она музыкальна от первой до последней строчки.

Искусственность жанра — кажущаяся. Он для нашего времени естествен. Мы давно подготовлены к такого рода сводам. Сейчас «постгутенберговская эпоха»: мир привык к цитатам, свидетельствам, выдержкам, высказываниям, фактам, извлеченным из потока. На таких выдержках строятся мифологии: и теперь, и всегда. Любое высказывание, «вырванное из контекста», тут же попадает в другой, куда более вязкий и властный контекст — в непрерывную идеологическую тяжбу сторон (множества сторон!), которая составляет своеобразный всеобщий фон реальности — и XX в. более, чем когда бы то ни было. Катехизисы — не открытие нашего времени, но что искусство *монтажа* становится ключевым именно в наше

время — факт. Недаром кинематограф — главное действующее лицо в хороводе муз нового времени. И недаром в поэзии сострачиваются целые «одеяла» из кусочков чужой речи — центоны. И недаром в прозе — от Дос Пассоса до Солженицына — «камера обскура», «экран», «бюро вырезок»... Исследования, подобные «Черновому варианту» Аба Мише,—не новость в смысле жанра: в 60-е годы я держал в руках подобную рукопись, посвященную исторической *эпопее русских*: ее автор Ростопчин не мог напечатать свой труд на родине; он уехал в Голландию; я не слышал, чтобы он издал ее и там, но рукопись была.

Слава Богу, Аб Мише имеет возможность донести свою *еврейскую эпопею* до читателей. Это жанровое определение — от общего впечатления и от чувства сверхзадачи, но не от «техники»; техника необычна: здание выстроено не из кирпичиков, а из блоков. То есть из «цитат».

Издержки этого способа понятны. Возьму пример из сферы, мне относительно знакомой.

Приведа цитату из малоизвестной работы Н. Лескова «Еврей в России», Аб Мише комментирует ее одной фразой: «был антисемит и — очнулся». Это, строго говоря, некорректно: Лесков никогда не был антисемитом. И он вовсе не «очнулся» в 1882 г., когда по заказу петербургской еврейской общины составил (анонимно) свою «справку». В его отношении к евреям — от детской жалости к беженцам до осознанной защиты еврейских прав в зрелости — есть постоянство и последовательность. Такие рассказы, как «Жидовская кувыркколлегия» или «Ракушанский меламед», не доказывают ровно ничего, кроме того что Лесков выводит свои типы, совершенно не стесняясь национальностью: ни еврейской, ни английской, ни русской (так из «Левши» можно вывести англофобию). Симпатии и антипатии? Да, были. Любил чехов, а поляков — нет. К немцам и французам — с бо-ольшими оговорками. Жестче же всех был к русским. Но ведь это же совершенно другая сфера — симпатии и антипатии: тут человек волен. Главное-то что? — позиция! И тут, конечно, никакого «антисемитизма» Лескову не прилепишь. Равно, как и «покаяния» в брошюре о евреях. Он ведь не потому защищает в ней евреев, что это *евреи*, а потому, что — *гонимые*.

Опять врезаемся в тот же тупик: но гонимые-то «евреи»! И Лесков не в безвоздушном же пространстве писал свой трактат — он писал его для комиссии графа Палена, а комиссия исследовала причины погромов, впервые произошедших в Российской империи. Все это осуществлялось в потоке реальности, которая шла, снимая и *переозвучивая* отдельные голоса.

Вот и вся разгадка. В *лесковском* контексте высказывание звучит поодному. А в *еврейском* — по-другому. Вырос человек — в одном «потоке»: в полном отрыве от «еврейского контекста», в полном спокойствии по поводу «еврейского вопроса», в полной относительно него невозмутимости. А попал человек в другой поток: в ситуацию погрома — и уже не может вырваться, не может быть спокоен, не может не возмутиться.

Книга Аба Мише — именно о *потоке*. О потоке слез, о потоке крова, о потоке лжи относительно евреев. То-то и страшно, что все идет — потоками. То и опасно, что один поток гасится другим — потоком же.

Я должен акцентировать здесь одну весьма важную и весьма тонкую сторону проблемы. Не потому, что Аб Мише сам ее не чувствует,—он чувствует. Но логика, по которой несется в его книге «лавина слов» — лавина цитат и контрцитат,— настолько заразительна, что следует при-пять особые меры для равновесия.

Ф. Энгельс: «...мы евреям очень многим обязаны... Маркс был чистокровным евреем; евреем был Лассаль...».

Так. А если бы Маркс *не был* евреем? Что, в этом случае евреи бы

больше заслужили Освенцим? *Защищая* евреев по вполне понятной логике «сшибания потоков», мы попадаем в опаснейший водоворот, ибо для того чтобы признать право людей на жизнь, на достоинство и имя, вовсе не надо, чтобы они были «хорошие». Это — *другая* логика.

Есть простейший способ проверки: заменить «евреев» кем-нибудь другим. И посмотреть, возникнет или не возникнет эффект идиотической ситуации. И так. Если Декарт был антисемит, если в Третьем Рейхе теорию относительности считали «еврейскими штучками», то *в ответ* можно все это и вывернуть: «Мировая наука многим обязана евреям...».

Теперь заменяем слово: «Мировая наука многим обязана новозеландцам». Годится? Вполне. Резерфорд «не даст мне соврать», не так ли? Идиотизм ситуации очевиден: Резерфорд стал великим физиком не потому, что был новозеландцем и не в качестве новозеландца. Равно, как и не в качестве британца, канадца и т. д. Но ведь и Эйнштейн стал великим физиком вовсе не в качестве еврея! Наука — это вообще не еврейские, не русские, не британские и не немецкие штучки. Это штучки общечеловеческие. То же — и мораль.

В борьбе с антисемитизмом не надо доказывать, что евреи «хорошие». Право на достоинство должен иметь любой человек и любой народ, независимо от того (и до того), как мы оцениваем его качества. Разрешение «еврейского вопроса» таится не в «национальной сфере», не в том, хороши или плохи те или иные евреи и как к нам относятся те или иные «неевреи». Достоинство народа коренится в достоинстве личности — независимо от «качеств». Иначе мы *никогда* не выберемся из логики Освенцима.

Аб Мише хорошо чувствует и эту логику, и то, что ей должно противостоять. Есть логика «национальных чувств», «массовых движений» в «контрдвижениях». И есть логика поведения личности, часто — наперекор движениям, хотя еще чаще — в плену у них. Соотношение двух этих «мелодий» составляет контрапункт, монтажный принцип, внутренний сюжет Аба Мише. Виртуозно воссозданные им монологи современных евреев диаспоры построены на «отрицании ожидаемого». Оратор, обладающий всеми признаками «долдона» и мыслящий вроде бы блоками политинструкций, доказывает, что евреи «воевали как положено» и даже получше других, хотя, по психологической фактуре, должен был бы доказывать, что «Абрам торгует в коопе». Меж тем другой оратор, нервный, начитанный, подчеркнута интеллигентный, цитирующий «Хулио Хуренито» и начинающий с отчаянной фразы «Я — еврей», — как раз вопреки ожиданиям обрушивает на евреев презрение, как на «баранов, покорно идущих на бойню». Кто из этих двоих прав — в данной точке не решишь. Но возникает как бы магнитное поле абсурда, в котором человек должен нащупать линию поведения, а реализует ли он себя как личность и как реализует — не угадаешь и не предпишешь.

Не угадаешь даже, «евреями» ли они себя реализуют. Не в том дело. Ни Дионисий, ни Корчак евреев в себе не знают, они — христиане, они ведут себя просто как *люди*... Меж тем еще один герой книги Аб Мише — потомок казака Непейчары — как раз *чувствует себя евреем*, и именно в этом качестве реализуется как человек. Кроткий учитель, ведущий своих воспитанников на смерть, и боевик, отстреливающийся до последнего патрона в развалинах гетто.—равно святы, потому что судьба могла бы поменять их местами, и в противоположных обстоятельствах они нашли бы — каждый — единственный путь к спасению достоинства. Обстоятельств не выбирают: в стадо ли овец попадаешь или в стаю волков,— выбирают путь *внутри* этих обстоятельств.

А там - судите. Но почувствуйте, кто на что пошел и кто чем рискнул. От кого ждали и от кого дождались. Пестра жизнь, страшна, непредска-

зусма. Есть потоки, есть омуты и есть капли, которые сливаются в потоки и скапливаются в омуты.

Чаще всего личность реализуется — именно вопреки ожидаемости. Вот еще несколько примеров такой реализации личности, как их разворачивает Аб Мише.

«Типичный львовский жулик», взяточник и осведомитель, узнает, что директор одной из библиотек прячет еврея. Он должен бы донести гестапо, но вместо этого, «полюбив скрывающегося», начинает его подкармливать.

Врач-гинеколог — еврейка, которую в Сорочинцах крестьяне прятали от немцев, — вынуждена выйти из укрытия, чтобы помочь разродиться жене старосты. Она спасает и роженицу, и младенца. Староста ее благодарит, а йотом доносит немцам: обрекает на расстрел.

Известно имя Эрнста фон Рата, немецкого дипломата в Париже, застреленного в 1938 г. еврейским юношей Гершелем Гриншпаном, который решил таким образом отомстить Германии за антисемитскую политику. Похороны дипломата были обставлены в Рейхе как национальная трагедия, вызывающая к возмездию: Гитлер в скорбной позе сидел в первом ряду; снимок обошел газеты.

Менее известно другое: что отец убитого дипломата был через несколько лет назначен Гитлером на крупный правительственный пост, связанный с «решением еврейского вопроса». Все ждали, что отец будет мстить евреям за убитого сына, а он... тайком помогал им.

Человек себя не знает. Он может оказаться выше себя, ниже себя. Две бездны переглядываются в его душе.

Аб Мише достаточно скептивен в отношении человека, и это можно понять. Сопоставляются высказывания Владислава Гомулки в 40-е и в 60-е годы. Вождь коммунистического подполья в 1947 г. заявляет, что евреи, восстав в гетто против своих убийц, воздвигли себя нерушимый памятник славы, а двадцать лет спустя, став вождем коммунистического государства, он же объявляет евреев «неполноценными гражданами» и спроваживает из Польши в изгнание. Можно ли ему верить?

Можно ли верить Герингу, когда он, стоя перед Нюрнбергским трибуналом, ругает немцев? Когда он, Геринг, читая в газетах о боях палестинских евреев с англичанами, заявляет, что «счел бы за честь воевать вместе с евреями»?

Можно. Можно верить. С чего бы ему, Герингу, врать-то на пороге смерти? С чего бы ему и не быть искренним? *Ситуация* переменилась, обрели евреи силу, потеснили британского льва — отчего бы и не отдать им должное? А была *ситуация*, когда гетто топили в крови, — топил и Геринг. Это люди обстоятельство, люди массы, вожди масс. Повелевают и подчиняются — по логике борьбы, по закону силы. Или «у горла», или «под каблуком» — как сказал пронцательнейший из них Черчилль. Конечно же, Гомулка бы искренен, когда склонял голову перед героями гетто, легшими за общую победу, но нет никаких оснований подозревать его в неискренности, когда через четверть века после победы общественное мнение искало *виноватых* в пробуксовке польского социализма, и вождь поляков виноватых нашел. Ситуация! «Воля масс». Отчего ж и не переворачиваться на 180 градусов, когда ты каплей льешься с массами, да еще и возглавляешь этот поток?

Что нужно, чтобы повести себя *наперекор* ситуации, *вопреки* «воле масс», *независимо* от потока, — мы видели. Нужна духовная сила, превышающая обычные возможности среднего человека. Но и другое верно: средний человек не ведает своих возможностей. И кто его ведет: Бог или бес — становится ясно только из его судьбы. Судьба же в плоских понятиях невыразима.

Польский еврей, бежавший в СССР от гитлеровцев, намучавшийся в наших лагерях и в нашей армии, ставший калекой и все-таки пришедший на костылях на пепелище варшавского гетто, говорит:

— Я не думаю, что нас там бардзо любят, но вы все-таки передайте привет России...

Все познается в сравнении. Не бардзо любят? Так. Но никто и не обязан любить евреев. Никто вообще не обязан давать кому бы то ни было отчет о том, кого он любит и кого не любит (евреев... цыган... русских... немцев... венгров... американцев). Любовь — личное дело каждого. Речь о том, чтобы не убивали, чтобы уважали, чтобы не вымещали свои комплексы на тех, кто попался под руку и не имеет защиты. Евреи — только модель, на которой Бог (или бес?) отработывает варианты для всего человечества.

Именно в этом смысле надо понимать название книги Лба Мише «Черновой вариант».

Есть у этого названия и другой смысл, более узкий и, так сказать, жанрово-личный: эта книга — как бы еще не книга, а предварительный набросок, «материалы для книги», *черновой вариант*. О том же и поэтический эпиграф: «Это, в общем, не книга, а только — россыпь фактов, событий, цитат — возвращение толики долга — суетливые поиски толка -в пепле невосполнимых утрат».

Я бы поспорил с внешним смыслом этого утверждения, если бы в» чувствовал в нем приема. Уже сама выделка стиха в эпиграфе показывает, что перед нами не «ворох материала», а тщательно выверенная и проработанная система фактов, событий и цитат, имеющая художественную логику и духовную сверхзадачу.

Эта логика и эта сверхзадача имеют отношение к коренным закономерностям нашего общего сегодняшнего бытия.

Кто-то должен был написать такое исследование.

Его написал Аб Мише.